Есть стойкое ощущение, что инициативы последних лет, связанные с «ускоренным» развитием Дальнего Востока, рождаются в каком-то изолированном от реального мира московском кабинете, где нет даже карты России.

Взять хотя бы перенос дальневосточной столицы из Хабаровска во Владивосток.

Вроде бы нельзя назвать эту идею беспочвенной.

Вот уже добрый десяток лет, если считать с начала подготовки к саммиту АТЭС-2012, Владивосток перетягивает одеяло на себя. Здесь построены мосты, новый аэропорт с аэроэкспрессом, филиал Мариинского театра, действует два десятка дипломатических миссий, вот-вот откроются филиалы Эрмитажа и Третьяковки… Многое из запланированного не построено, но то, что Владивосток модернизируется, — очевидно. Визиты первых лиц страны в «далекий, но нашенский» город стали будничным явлением. Де-факто Владивосток уже стал ведущим городом Дальневосточного региона. И уж точно — самым раскрученным в мировом масштабе.

Аргументируя перенос центра ДВФО во Владивосток, тогда еще и. о. приморского губернатора Олег Кожемяко объяснял: Владивосток — «восточные ворота страны», здесь проходит Восточный экономический форум, запущены «драйверы развития» региона. Новый статус, говорил он, потребует от Владивостока «сохранять лицо», и город станет чистым, нарядным и ухоженным. Президентский полпред Юрий Трутнев добавил: переезд должен стать «мощным фактором развития территории»…

Но никак не менее резонны и возражения. Начать хотя бы с того, что Хабаровск расположен ближе к географическому центру гигантского региона. Не случайно именно здесь находилась штаб-квартира Приамурского генерал-губернатора. Центром Дальневосточного края, существовавшего до 1938 года, тоже был Хабаровск. Вот и генерал Пуликовский — первый дальневосточный полпред президента — в 2000 году обосновался именно в Хабаровске. Владивосток же расположен на краю и куда дальше от таких периферий, как Камчатка с Чукоткой. Недавнее включение в пределы ДВФО двух регионов, ранее относившихся к Сибирскому федеральному округу, — Бурятии и Забайкальского края — делает перенос регионального центра во Владивосток еще менее осмысленным. Уж лучше Чита с Благовещенском — им

«мощный фактор развития территории» нужен куда больше, нежели Владивостоку. Или же — привычный Хабаровск.

Владивостоку в последние годы и так грех жаловаться на невнимание: главная «движуха» происходит именно здесь, что куда важнее — в том числе инвесторам извне, чем сомнительный столичный статус (сомнителен он потому, что столица в стране одна — Москва, а у ДВФО может быть лишь административный центр, где расположены штаб-квартира полпреда и несколько главков окружного масштаба).

Нужен ли перенос полпредства самому Владивостоку — большой вопрос. Едва ли приморская столица получит от этого шага что-то, кроме интенсификации автомобильных пробок. Но самый моторизованный город России, зажатый на сопках узкого полуострова, и так вязнет в заторах. Для нормальной жизни он приспособлен куда хуже Хабаровска — говорю это как житель Владивостока.

Хабаровск же, утратив «столичный» статус, рискует провинциализироваться. Замглавы Минвостокразвития РФ Александр Крутиков, защищая перенос столицы, сулил Владивостоку пять тысяч новых рабочих мест — видимо, речь идет об аппарате самого министерства, полпреда и еще нескольких учреждений. Значит ли это, что Хабаровск те же пять тысяч мест потеряет? Неудивительно, что хабаровские губернатор и мэр Сергей Фургал и Сергей Кравчук выступали против, а рядовые хабаровчане даже собирали подписи под петицией на change.org, где писали о «нелепости и ненужности» переноса столицы, призывая власти обратить внимание на насущные проблемы обоих городов.

Объективно Дальний Восток бистоличен, чем и объясняется негласное соперничество двух его крупнейших городов. Часть окружных структур квартирует в Хабаровске, часть — во Владивостоке. Это разделение, скорее всего, сохранится и теперь. Вряд ли, к примеру, штаб Восточного военного округа переведут во Владивосток. Так, может, пусть бы и оставалась эта исторически сложившаяся бистоличность? Не говоря о том, что социалку, дороги и все остальное нужно развивать не только во Владивостоке и Хабаровске. Внимания требуют все города и территории Дальнего Востока. И чем они севернее, отдаленнее и малонаселеннее — тем сильнее.

Перенос столицы всей России куда-нибудь в Сибирь, о чем давно говорит радикал и визионер Эдуард Лимонов, был бы шагом, не побоюсь этого слова, эпохальным, сопоставимым с петровскими или ленинскими тектоническими сдвигами. Переезд же группы чиновников из Хабаровска во Владивосток (полпредство должно поселиться в Приморье в первом квартале 2020 года) — ничто.

Группа дальневосточных ученых давно говорит о Владивостоке как о «тихоокеанской столице России». Кандидат экономических наук, географ Юрий Авдеев считает: с ролью центра ДВФО прекрасно справлялся Хабаровск, тогда как перед Владивостоком в последние десятилетия возникла более серьезная задача — быть восточной столицей страны, ее окном в Азиатско-Тихоокеанский регион. «Парадоксально, но даже в период закрытости Владивосток был активнее многих других городов страны в области международных связей. После его открытия в 1992 году сюда сразу пришли иностранные консульства и корпорации. Все доводы в обоснование переноса столицы Дальнего Востока во Владивосток касались только его международных функций и не имели никакого отношения собственно к Дальневосточному региону, — говорит Авдеев. — В свое время губернатор Хабаровского края Виктор Ишаев проводил в Хабаровске Дальневосточный экономический форум, на котором обсуждались именно вопросы экономического развития Дальнего Востока. Восточный же экономический форум во Владивостоке рассматривает вопросы преимущественно международного плана. Показательно,

что китайское консульство поначалу разместилось в Хабаровске, но, поняв, что вся международная жизнь — во Владивостоке, переехало сюда».

Виталий Веркеенко, добровольно покидая осенью 2018 года «расстрельный» пост мэра Владивостока, призвал бороться за статус последнего как города федерального значения — «восточного Севастополя». Он напомнил: Владивостоку оставляют лишь шесть из пятидесяти шести собираемых в нем миллиардов налоговых рублей. С получением статуса отдельного субъекта РФ обеспеченность Владивостока резко вырастет. Правда, пострадает все остальное полунищее Приморье, лишившись главного донора, так что едва ли этой идее дадут ход. Вот и полпред Трутнев назвал идею придания Владивостоку статуса города федерального значения преждевременной: давайте, мол, не будем перепрыгивать через несколько ступенек, а для начала сделаем город комфортным местом для жизни.

Очевидно, что главная причина переноса столицы ДВФО во Владивосток — не стратегического, а «прикладного» характера. Эта идея стала предвыборным ходом Олега Кожемяко: тринадцатого декабря 2018 года президент Путин подписал указ о переносе центра Дальнего Востока, а шестнадцатого декабря Кожемяко благополучно избрали губернатором Приморья.

Надо сказать, что данная тема давно всплывала в Приморье перед выборами, но потом забывалась. Еще в 2002 году под лозунгом «Владивосток + Артем = столица ДВ» приморцев заманивали на выборы краевого парламента. Десятилетие спустя накануне президентских выборов перенести во Владивосток центр ДВФО предлагал первый вице-премьер Игорь Шувалов, курировавший стройки саммита АТЭС. В ходе президентской кампании 2018 года в СМИ Приморья снова вбрасывалась та же тема: проголосуете хорошо — столица переедет к вам. Но лишь теперь старый предвыборный финт удалось довести до логического завершения.

Поддержку инициативы Кожемяко Москвой можно рассматривать в том числе и как своеобразную месть хабаровчанам за то, что единоросса Вячеслава Шпорта на губернаторских выборах 2018 года одолел выдвиженец ЛДПР Сергей Фургал. Правда, приморцы тем же сентябрем тоже «прокатили» кандидата от единороссов — врио губернатора Андрея Тарасенко, в результате чего к власти чуть не пришел коммунист Андрей Ищенко (итоги выборов из-за массовых фальсификаций были отменены). Так что если мстить, то всем сразу — и переносить столицу округа куда-нибудь в Южно-Сахалинск или Магадан. Хотя важнее, конечно, не прописка полпреда, а то, что делается для территории.

В период смены Олегом Кожемяко поста сахалинского губернатора на кресло главы Приморья обсуждалась еще более спорная инициатива — объединить Приморье с Сахалином. С учетом дальневосточной логистики идея эта кажется почти безумной. С другой стороны, после пополнения ДВФО Бурятией и Забайкальским краем можно ожидать чего угодно.

О последнем шаге следует сказать подробнее. Формальным поводом для включения Улан-Удэ и Читы в клуб дальневосточных городов стала встреча Путина с только что назначенным врио губернатора Забайкальского края Александром Осиповым, ранее — первым замглавы Минвостокразвития. Он поднял вопрос о внедрении в Забайкалье новых экономических инструментов, которые опробуются пока только на Дальнем Востоке: территории опережающего развития, свободный порт, дальневосточный гектар. Президент пошел навстречу — и попросту «пристегнул» Забайкалье к Дальнему Востоку. Можно только гадать, имелись ли другие — непубличные — доводы и какие-то тайные соображения.

Итак, отныне Дальневосточный регион — все, что за Байкалом, если смотреть с запада. ДВФО приблизился к Москве, восточной кромкой Сибири стала Иркутская область. Нельзя сказать, что идея взята совсем уж с потолка. Можно вспомнить

федеральную целевую программу развития Дальнего Востока и Забайкалья, которую сменила стратегия развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 года, — де-факто За- и Прибайкалье, как видим, и ранее нередко «прицеплялись» к Дальнему Востоку. Вспоминаются и более давние времена: Дальневосточная область (с центром, что интересно, в Чите), существовавшая в 1922–1926 годы и включавшая Прибайкальскую и Забайкальскую губернии.

Теперь конфигурация ДВФО приведена в соответствие с контурами Восточного военного округа, что бы это ни значило. Еще интереснее то, что облик Дальневосточного региона приблизился к очертаниям Дальневосточной республики — «красного буфера» между Советской Россией и Японией, существовавшего в 1920–1922 годы. Столицами ДВР выступали поочередно Верхнеудинск (Улан-Удэ) и Чита. Может, нам вообще следует вернуться к схеме кочующей столицы региона — чтобы никому не было обидно?

Надо заметить, что сам термин «Дальний Восток» и пределы соответствующего региона — понятие достаточно условное. Слишком разные, бесконечно далекие друг от друга и слабо связанные между собой регионы объединены в рамках ДВФО. Якутия и Приморье, Чукотка и Сахалин… — трудно найти более несхожие территории. Границы административные не всегда соответствуют культурным, историческим и даже географическим; то же Забайкалье останется Забайкальем, к какому бы федеральному округу его ни относили. С другой стороны, еще в начале XX века все восточные территории звались просто Сибирью, термин «Дальний Восток» по-настоящему утвердился уже в советский период. Прародительница Тихоокеанского флота называлась Сибирской флотилией, браконьеры Джека Лондона били котиков у «берегов Сибири» — у Курил, Камчатки, Командор. За рубежом и теперь вся зауральская Россия нередко зовется Сибирью, амурский тигр, обитающий большей частью в Приморье, — Siberian tiger и т. д.

Общеизвестно: население Дальнего Востока уменьшается. Ни передислокацией чиновничьих штаб-квартир, ни риторической активностью, ни бумажными мерами эту проблему не решить. Если в 1991 году численность населения Дальнего Востока превышала восемь миллионов человек, то уже со следующего года она начала стремительно таять, сократившись к 2017 году до 6,2 миллиона. Отток продолжается, несмотря на все «дальневосточные гектары» и Восточные форумы. Даже в Приморье — относительно благополучном, южном, комфортном, обустроенном регионе, не сопоставимом с суровыми «Северами», — население сокращается (в отдельно взятом Владивостоке — держится на более или менее стабильном уровне за счет того, что отток компенсируется притоком — из сельской местности, с тех же Северов). Но следите за руками: получив Забайкалье, Дальневосточный федеральный округ заметно прибавил как в площади (отныне он занимает целых сорок процентов территории России), так и в населении. Последнее моментально выросло до 8,3 миллиона, причем без миллиардных затрат и столыпинских вагонов — одним росчерком пера. Как сформулировал владивостокский предприниматель Кирилл Потапенко, «теперь можно с чистой совестью говорить, что население Дальнего Востока значительно выросло благодаря действиям властей». Не поспоришь. Может, в этом и кроется подлинная причина перекройки карты?

Если в Забайкалье успешно заработают территории опережающего развития, а перенос столицы ДВФО во Владивосток даст какой-то зримый результат, это можно будет только приветствовать. Но пока не покидает ощущение, что названные и неназванные шаги совершаются не из объективной целесообразности, а из чьих-то личных или ведомственных интересов.

Суета вокруг Дальнего Востока часто напоминает то, что называют «имитацией бурной деятельности»: давайте сделаем хоть что-нибудь, желательно малоза-

тратное, — вдруг это решит проблемы самого далекого, самого большого, самого малонаселенного и самого депрессивного федерального округа?

Один лишь пример: Камиль Исхаков, в 2005–2007 годы работавший дальневосточным полпредом президента, однажды пообещал переселить на Дальний Восток восемнадцать (!) миллионов человек. Но программа «переселения соотечественников» закончилась ничем и давно забыта. На Дальний Восток переехали единицы, а сохраняющийся миграционный отток с лихвой перекрыл эти крохи. Сегодня создано федеральное Министерство по развитию Дальнего Востока, ряд «дальневосточных» госкорпораций, но результативность всех этих шагов — под большим вопросом. Да, Москва после двух провальных десятилетий наконец вспомнила о Дальнем Востоке, осознала, что это не «чемодан без ручки», а перспективный, хотя и непростой, мягко говоря, регион, — но до сих пор не очень понимает, что с ним делать дальше.

Порой кремлевские мечтатели, отчаявшись избавить Дальний Восток от родового проклятия «отсталой» территории, пытаются откопать ответы на наболевшие вопросы в прошлом. Когда-то на тихоокеанском побережье действовал режим порто-франко для снабжения Приамурья, оторванного от столиц, товарами — и вот во Владивостоке создают «свободный порт». Когда-то крестьяне ехали в Сибирь за землей — и вот каждому дальневосточнику (в том числе потенциальному) предлагают бесплатный гектар.

Проблема в том, что к началу XXI века Дальний Восток слишком серьезно изменился по сравнению с царскими и советскими временами. Но мы, если вспомнить знаменитые слова Юрия Андропова, по-прежнему «не знаем страны, в которой живем».

Между тем упоминавшиеся выше губернаторские выборы показали: протестный потенциал Дальнего Востока никуда не делся. У протестных настроений — веские основания, включающие и чисто насущные, инфраструктурные, жилищно-коммунальные сложности, и сохраняющийся дефицит взаимопонимания между столицей и далекой восточной провинцией.

Готовых ответов на «проклятые» вопросы нет, их нужно искать. Убежден: в ходе этого поиска столичным чиновникам и аналитикам следовало бы внимательнее прислушиваться к региональному экспертному сообществу — немногочисленному, как дальневосточные леопарды, но компетентному и неравнодушному.